

ЛОКАРМЕН

РАСКРЕЗЫ

Лазарь Кармен

Воскресный очажок

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0007
III.....	.0011
IV.....	.0014
V.....	.0016
VI.....	.0018

Лазарь Кармен Воскресший очажок

Дивный, прелестный очажок. Каким теплым, золотым светом озаряет он пол, часть низкой беленой стены и потолка, и каким веселым треском и шипением наполняет он маленькую тесную комнатку с убогой мебелью.

Саня любил наблюдать большими детскими глазами, как мать старательно разводит в нем огонь, как кладет тонкие прямые лучины, поджигает их, накрывает двумя-тремя угольками и затем подбавляет уголь без конца. Угля у них когда-то было очень много. Каждый месяц к воротам их подтягивалась заводская телега, полная угля, и отец вместе с возчиком, навалившись, опрокидывал ее перед домом с гулом и грохотом на узкий тротуар, над которым взвивалось черное пыльное облако.

Уголь был добротный – черный, глянцеви-тый, радужный – кардиф. Саня любил различать его на плитки, и делал он это легко, без натуги. Сухой уголь ломался под его слабыми, неокрепшими пальцами, как шоколад.

К приходу отца и брата Феди – литейщиков – с завода очажок уже пылал вовсю и золотая дорожка тянулась от него по полу. На нем, на сковороде, в шипящем сале румянились аккуратно нарезанный пятаками картофель и катышки мяса.

Изредка, когда уголь превращался в сплошное пылающее золото, мать приподнимала высоко над открытой горловиной очажка сковородку и щедрой рукой подбрасывала уголь, хранившийся около в ивовой помятой корзине, и комната вся на минуту как бы окуналась в золото вместе с убогой обстановкой и казалась сказочной, а мать, одетая в простое ситцевое платье и красную косынку, с тонким исхудалым лицом, сохранившим, однако, невзирая на все страдания, красоту давней юности, преображалась в фею.

Эти моменты более всего любил Саня.

Родные медленно ужинали у очажка, беседовали о разном, но Саня весь жил очажком. Тепло и радостно было ему подле него.

И вот случилось так, что волшебный очажок этот, гревший и тешивший весь дом, погас вдруг.

Саня так привык к нему, так сроднился с ним, так любил часами зачарованно глядеть на его огонь и грезить под треск и шипение его угольев, что смертельно затосковал.

– Мама, – спрашивал он, – почему не горит больше у нас очажок?

Мать глубоко вздохнула и, погладив русую головку сына, говорила:

– Потому что угля нет.

– А почему?

– Злой дух запер его в глубокой шахте, никого не подпускает и сторожит с тяжелым мечом на плече.

Саня, поглядев на мать бледно-синими глазами, такими огромными на желтом личике, ушел в свои детские, никому неведомые думы.

Со смертью очажка исчезла ворожившая в доме фея. Без огня, без золотого, теплого сияния его убожество комнаты литейщика пред-

стало в настоящем, неприглядном свете. Все было так серо, мрачно, уныло. Исчезла золотая дорожка на полу, похожая на золотой мост, перекинутый через море полным месяцем, исчезли фантастические огненные видения, населяющие очажок, пляшущие веселые искорки и грезы, такие сладкие, золотые.

Мама, как некогда, озаренная внезапным пламенем очажка, не казалась больше феей. По комнате двигалась изможденная, измученная рабочей жизнью женщина.

И отец сейчас был угрюмее, мрачнее, и старший брат Федя с большой копной немытых волос на голове и черной впадиной величиной с орех на щеке, выжженной случайно брызнувшей в лицо струйкой стали. Отлетела душа, радость дома.

Саня все больше уходил в свою тоску. Вытягивалось и без того вытянутое личико, тускнели и без того тусклые, бледно-синие глаза.

Мальчик слег.

Мать привела заводского врача. Он ощупал пульс мальчика, смотрел ему в открытый рот, расспрашивал мать о его желудке и про-

писал какие-то капли. Но капли ничуть не помогли. Единственное, чего недоставало Сане... – огонь. Глаза его стосковались по отсутствующему огню, по яркому горению его, золоту и тем грезам, которые тот навевал на него.

Мать наконец поняла тоску его и повела к соседке, но и там очажок стоял мертвый, холодный.

Мать обошла с Саней весь рабочий квартал, и всюду, у всех соседей, одинаково бездействовали очажки, удручая своей мертвиной.

Опечаленная вернулась мать с Саней домой.

– Мама, – взмолился мальчик, – когда же у нас будет уголь и опять запыхает очажок?...

– Потерпи, – стала утешать она его сквозь тихие, задавленные слезы.

– Злой дух все еще сторожит шахты?

– Да, но его скоро прогонят.

– Кто?

– Рабочие... папа твой, Федя... Все, все поднимутся и пойдут на него войной... Выбьют из рук его тяжелый меч и освободят шахты...

– Мама... Неужели? – И глаза у Сани залу-
чились звездами, а на личике проступил лег-
кий румянец.

Однажды, когда Саня лежал в кровати у окна, погруженный в свою тоску, а мать, сидя около, штопала чулок и рассказывала ему сказку, с улицы донесся шум и громкое, дружное пение сотен голосов:

*Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...*

Мать и Саня выглянули в окно. Вдоль жалких лачуг с поломанными заборами, по длинной пыльной и грязной улице двигалась колонна рабочих, вооруженных шашками и винтовками. На картузах и пиджаках пылали алые банты.

Рабочие шли в ногу бодро, радостно, и над ними колыхались знамена.

По обеим сторонам, у лачуг, стояли оборванные, голодные женщины, подростки, махали руками и платками, а впереди колонны бежали мальчишки, кувыркались и били ко-

лотушкой в донышко заржавелой жестяной кастрюльки, подражая барабанщикам.

– Без угля не ворочаться, – кричали надрывно женщины.

– Мы к зиме все подохнем от холода, если не Судет топлива.

– Слушаем. Слушаем. Уголь или смерть... На Дон! На Дон! – восклицали среди пения «Интернационала» рабочие.

Мать порывисто привлекла Саню к груди и, давясь радостными слезами, проговорила:

– Детка, слышишь... На Дон идут. За углем.

Саня высунулся больше из окна и стал махать исхудалой ручонкой рабочим...

Его заметил из колонны старый рабочий Иван, друг отца, тоже литейщик, знавший про тоску Сани, подошел быстро к нему, поцеловал и, похлопав по узкому плечу, сказал:

– Крепись, хлопчик. На Дон идем добывать уголь...

А когда колонна с огненными знаменами и с победным пением завернула за угол, прибежали, запыхавшись, домой отец и Федя, – они замешкались в городе. Наскоро переоделись, попрощались с матерью и с Саней и бе-

гом присоединились к колонне. Они наравне со всеми ушли на Дон отвоевывать уголь, кров, тепло для рабочих.

IV

Тихо совсем и мертво стало в рабочем квартале. На улицах и переулках собирались одни женщины и дети и гадали, что с их мужьями и отцами. В газетах они плохо разбирались.

Они отощали, изголодались.

Заводы стояли заколоченные, ничего не производя, и хлеб вздорожал потому, что деревня неохотно давала хлеб. Она требовала за свой хлеб не бумажки, а плугов, гвоздей, кожи – всего того, что производит уголь.

Надвигалась осень... Небо с утра влажной черно-грязной тряпкой нависало над рабочим кварталом. В убогих лачугах продувало. Саня зябнул под тощим одеялом, и мать кутала его в свою драную юбку и кофту.

Саня гаснул, и мать в ужасе глядела на его мертвеющее личико, бессильно закрывающиеся усталые глаза.

Раз удалось ей с большими жертвами добыть кусок угля, и она развела огонь в очажке. Саня как будто ожил, но недолго длилась его радость.

Быстро сгорел уголь, и очажок опять погас. И опять впал в прежнюю тоску Саня.

А вестей с Дона не было никаких. Не было вестей и от рабочих, ушедших туда, и мрачные ходили по кварталу женщины.

Дни тянулись медленно, и каждый день приносил новое разочарование.

Саня по-прежнему гаснул. Мать втайне уже просталась с ним.

Но вот в одно утро точно радостный, освежающий дождь пронесся по измученному, изголодавшемуся кварталу.

Прискакал из города на тележке с одноглазой лошастью заводской фельдшер-коммунист и, размахивая газетой и перегнувшись с сиденья, крикнул, как в рупор, в ближайшее раскрытое окно:

– Дон взят!..

– Дон взят, Дон взят! – загудел вдруг весь квартал.

Женщины и дети обнимались и целовались, как в Светлое воскресенье, а дети, прыгая на одной ноге и шмыгая носом, тянули:

– Дон, Дон, Дон наш...

– Саня, слышишь... благовестят... злой дух, стороживший уголь, убит... Дон наш... – крикнула на ухо задремавшему Сане мать.

Он медленно открыл глаза и чуть улыб-

нулся бескровными губами.

VI

А вслед за этой вестью пришел и долгожданый уголь.

Тучей высыпал весь город в порт и затопил всю пристань. Один за другим с веселыми жирными гудками, под красным флагом, пуская в небо черные, сизые и молочно-белые клубы дыма, входили пароходы, нагруженные доверху углем, и на всех палубах, реях, вантах и лесенках стояли и махали шапками и винтовками черные, как угольщики, рабочие, отбившие, как клад, уголь.

Толпа встречала их громовым «ура», а оркестры во всех концах порта и на эстрадах играли «Интернационал».

Вмиг пущены паровые краны и тяжелые полуразвалившиеся от долгого безделья угольные кадки, и пристань выгорбилась от куч угля.

Жадно разбирали по корзинам, мешкам и ведрам уголь женщины и уносили его домой с веселыми праздничными лицами.

Саня сидел на кровати у окна, следил горящими глазами за женщинами, как, переки-

дываясь веселыми возгласами, они тащат в свои лачуги мешки и корзины с углем и как потянул из одной трубы первый дымок, за ним по соседству другой, третий...

Он ждал матери...

Дверь с треском отворилась, и вошла мать. Левый бок ее оттягивала тяжелая корзина с углем.

Она сильно устала. На лоб ее свисла мокрая от пота пепельная прядь волос. Но она, не передохнув, живо развела огонь в очажке, и очажок запылал, затрещал, как в былое время, и сразу неслышными стопами вошла в комнату знакомая фея и принялась за знакомую ворожбу. Вызолотила пол, стены, потолок.

Саня взбодрился, слез с постели и подсел к очажку.

Он смеялся от радости, глядел на потрескивающий золотой огонь и разглядывал в руке с любопытством давно не виданный уголь.